

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
(ИНТЕРВЬЮ С В.А. ЛАБУНСКОЙ В СВЯЗИ С ЕЕ ЮБИЛЕЕМ)**

Поступило в редакцию 08 августа 2017 г.

Интервью с доктором психологических наук, профессором кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южного федерального университета» (ЮФУ) Верой Александровной Лабунской посвящено основным этапам ее научной биографии, связанной с психологией общения и экспрессивного поведения. Ее уникальный научный опыт получен в сотрудничестве с двумя научными центрами в Ленинграде, теперь Санкт-Петербурге, и Москве, а затем реализован в научной и педагогической работе в Ростове-на-Дону. Вопросы интервью подготовлены директором ИП РАН Анатолием Лактионовичем Журавлевым* совместно со старшим научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН Юлией Валерьевной Ковалевой**. Вопросы задавала Ю.В. Ковалева, ниже публикуются вопросы и ответы на них профессора В.А. Лабунской.***

---

*Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор, директор ФГБУН Института психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корпус 1; e-mail: adm3@psychol.ras.ru.

**Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, там же; e-mail: julkov@inbox.ru.

*** Интервью в видео формате представлено в сети Интернет по адресу: Часть 1 - <https://youtu.be/SHSNz2zww1U> Часть вторая - https://youtu.be/TkgKnGYWC_o. Техническое исполнение реализовано Тихомировой Светланой Витальевной, кандидатом психологических

1. Уважаемая Вера Александровна! В нашем журнале «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология» существует рубрика «Научные события». Она посвящена юбилеям и памятным датам, которые связаны с именами известных специалистов в области социальной и экономической психологии, а также с событиями в научных школах, лабораториях и кафедрах. В этот юбилейный для Вас год мы очень рады Вашему согласию ответить на вопросы о Вашем научном пути и интересах сегодняшнего дня. Ваш научный путь связан с тремя городами – Ленинградом, теперь Санкт-Петербургом, Москвой и Ростовом-на-Дону. В них существовали свои научные школы, были свои лидеры. Что каждая из них оставила в Вашем мировоззрении как ученого и педагога, какая из них стала ключевой в Вашем становлении как специалиста?

Действительно, сложилось так, что я училась в Ленинграде в аспирантуре и потом защищала докторскую диссертацию в Москве, и очень хорошо знакома с кафедрами социальной психологии и Ленинградского, и Московского университетов.

Первой в мою жизнь вошла ленинградская научная школа. Это были незабываемые встречи в период моего обучения в аспирантуре, и дело не только в моем учителе Алексее Александровиче Бодалева, но и в других людях, которые там работали. Их было чрезвычайно много, достаточно назвать имя профессора Л.М. Веккера. Именно в Ленинграде закладывался мой интерес к психологии познания людьми друг друга. В то время, а это с 1973 по 1976 год, в СССР другого такого центра, который занимался бы изучением именно социальной перцепции, еще не было, хотя ученые в этой области уже начали появляться. В этой связи я хотела вспомнить одну из первых Всесоюзных, масштабных

наук, научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии, там же;
e-mail: sti@belty.ru.

конференций, которая была проведена в Краснодаре в 1975 году. Это было потрясающее событие – там были все, и там стало понятно, что эта тематика захватывает разные регионы, разных исследователей, и молодых, и не очень, которые начали рассматривать с самых разных позиций социально-перцептивные явления.

Там в Краснодаре в те годы и до последнего времени работал Ованес Гайкович Кукасян, мы его звали просто Иван Григорьевич, который одним из первых написал книжку о влиянии профессиональной деятельности на восприятие и понимание человека человеком. Не могу не вспомнить его, говоря о людях, повлиявших на мой путь, потому что он оказал на меня не только научное, но и человеческое влияние. В тот момент, когда я писала свою кандидатскую диссертацию под руководством Алексея Александровича, у меня была маленькая дочь, которая жила с моей мамой именно в Краснодаре. С помощью Алексея Александровича я познакомилась с Иваном Григорьевичем, и он мне помогал собирать данные, а я помогала ему. И у нас возник союз, начиная с 1974 года. К сожалению, несколько лет назад он ушел из жизни, но все эти годы мы с ним поддерживали отношения, а через него со всей Кубанской психологической школой, где тематика социальной перцепции была представлена еще с того времени, а теперь работает много выпускников нашего Ростовского университета.

Я должна сказать, что моя научная судьба очень персонифицирована. Это касается, в первую очередь, моего знакомства с московской научной школой, которое произошло для меня самой удивительно и неожиданно. Получилось так, что в 1979 году к нам в Ростовский госуниверситет приехала Галина Михайловна Андреева с лекциями по социальной психологии. Я тогда уже продвинулась со своей темой восприятия лица человека, экспрессии и факторов, которые на это влияют, и в частной беседе с Галиной Михайловной рассказала о том, что хотела бы изучать дальше. Она заинтересовалась и пригласила меня выступить на их кафедре. Через год я поехала в Москву, где никого не знала, поскольку вообще

не была причастна к Московскому университету. Моя научная жизнь проходила в ЛГУ, и даже после переезда Бодалева в Москву, центром наших встреч был ПИ РАО, а с МГУ никаких связей не было. Признаюсь, я в то время их очень боялась. Все коллеги, выступавшие там, рассказывали, что кафедра социальной психологии была очень «зубастой». Вспоминаю сейчас молодых и Донцова, и Агеева, и Татьяну Стефаненко, когда состоялось наше знакомство. Оно оказалось успешным, и до 1989 года, это для меня было огромное счастье, я ездила туда выступать с докладами. В те годы я уже меньше в научном плане общалась с Алексеем Александровичем, хотя он к этому моменту стал деканом факультета психологии МГУ, а больше была связана с кафедрой социальной психологии и Галиной Михайловной. Для них был характерен более широкий охват интересующей меня проблематики психологии социального познания, более точное понимание меня, моего взгляда. Именно, они на этом этапе оказали влияние на мое научное становление. Вот так получилось, что начинала я в ленинградской школе, а к докторской диссертации пришла с московской.

Со временем я стала понимать, что большой разницы в самих подходах не было. Алексей Александрович писал очень просто, с другой стороны, очень глубоко. А у Галины Михайловны был другой научный язык, другой охват проблематики. Соединение этих двух подходов на меня сильно повлияло, мне хотелось уметь и так, и по-другому. Четкость позиций ленинградской и московской школ существовала, но разница не была огромной в научном смысле, в тематике, она была какая-то географическая, пространственная, а больше в самих людях, которые эти школы представляли. История сложилась до меня, и мне повезло, что эти противоречия не сказались негативно на моей научной судьбе, а скорее наоборот.

Для меня очень важно сказать еще следующее. Когда я писала статью о развитии социальной психологии к юбилею ЮФУ, я начинала свою статью со слов, что социальная психология развивалась здесь у нас под сильным влиянием двух школ, и это – абсолютная правда, и в этом есть наше большое

преимущество. Принадлежа к разным школам, мы искали здесь пути интеграции для создания своего лица. Это не значит, что кто-то отказался от своей школы, учителей, это означает, что мы могли в дискуссиях и спорах, не затрагивая имен и глубинных чувств, проникать в суть различий и в суть связей, которые существовали между научными подходами. Я на этом стою всю мою жизнь, для меня это было очень важно.

2. Могли бы Вы назвать имена своих основных учителей, именно тех, кто сформировал Ваши научные взгляды. Какие направления их исследований, которые они развивали, которым они были преданы, стали для Вас наиболее значимыми?

Я уже назвала имена двух учителей, это – Алексей Александрович Бодалев и Галина Михайловна Андреева, но я могу вот что добавить. Первая книга, которая попала ко мне в руки, и которая определила мой научный путь, была, конечно, книга Алексея Александровича «Восприятие человека человеком», которую я увидела в середине 1960-х годов. Все, о чем он писал, произвело на меня неизгладимое впечатление, но особенно те разделы, которые были связаны с экспрессией. Но до нашего знакомства с Алексеем Александровичем в тот момент было еще далеко. Я училась в институте, где мне опять очень повезло с моим научным руководителем, Анной Семеновной Золотниковой, которая и заложила линию моего научного развития. Она сама защищала кандидатскую диссертацию у известного и тогда, и сейчас, ленинградского психолога Люблинской. По теме своей диссертации она изучала жестовое поведение, экспрессию с такого необычного подхода, свидетельствующего о том, что человек может осознавать свое жестовое поведение, выражение своего лица, но это не может означать – есть осознание, но нет вербализации. Моя дипломная работа, выполненная под руководством А.С. Золотниковой, была посвящена соотношению коммуникативных жестов и речевого поведения, работа была больше паралингвистического плана – до тематики восприятия лица было еще много времени. Диплом был онтогенетической направленности – изучались и

дошкольники, и школьники, и студенты, и взрослые. Чтобы лучше изучить жестовую, паралингвистическую составляющую, я разработала методику. Для этого я использовала свое знание немецкого. В созданной методике русская народная сказка звучала на немецком языке с отработанной жестовой системой, а испытуемые, не знавшие языка, должны были по жестам понять и запомнить ее содержание. И когда пришло время определяться с моим дальнейшим развитием, Анна Семеновна сказала мне, что она может написать обо мне Алексею Александровичу, потому что он был оппонентом на защите ее диссертации. Вот так складываются судьбы. Она написала письмо, и Алексей Александрович ответил, его ответ сохранился в моих архивах. Конечно, это был вежливый ответ с предложением просто прислать ему мой реферат. Но я была наивная и поняла это буквально – приезжайте, мы Вас ждем. Я так и сделала.

При поступлении мне попался билет, в котором одним из вопросов был вопрос о предмете психологии. У нас в Ростовском пединституте общую психологию великолепно читала Дора Иосифовна Красильщикова, ученица С.Л. Рубинштейна, а после окончания вуза и еще до поступления в аспирантуру я успела поработать здесь, в Ростовском госуниверситете, и работали мы по программе МГУ. Получилось, что благодаря таким учителям и организации работы в Ростове, я очень хорошо знала тонкости, опять же, и московской, и ленинградской психологических школ, о которых я и рассказала. Я получила пятерку, но я помню лица педагогов. Может быть сегодня этот поступок кажется не очень умным, нельзя ходить в чужой монастырь со своим уставом, но мне тогда казалось, что если отвечать на вопрос, то надо отвечать, как есть. Но решающими при поступлении оказались, все же, мои знания по вопросам восприятия, я очень хорошо была знакома с работами Веккера. И, к слову, кандидатская моя была не по социальной, а по общей психологии.

Итак, я поступила в аспирантуру, но Алексей Александрович меня брать не захотел. Я стояла под его кабинетом в ужасном состоянии. Там мне встретилась Нина Альбертовна Розе, – вот еще один человек, повлиявший на

мою судьбу. Она меня не знала, но спросила, что со мной, и я ей рассказала о своей ситуации. Она буквально рванула дверь кабинета, а когда через минуту вышла, сказала, – зайдите. Алексей Александрович решил меня взять на условии, что я не буду мучить его консультациями. Так я разминулась с ведущим профессором Еленой Федоровной Рыбалко, у которой должна была бы учиться, но общаясь впоследствии с ее аспирантами, все равно познакомилась с ней, и это тоже не осталось бесследным.

Там в Ленинграде я познакомилась и с Владимиром Николаевичем Панферовым, который был одним из первых учеников Бодалева, и с Валентиной Николаевной Куницыной, с ними до сих пор сохранена связь, и многими другими. Все они были буквально заморожены проблемами социальной перцепции, и я приняла решение заниматься восприятием экспрессии лица. А так как это относилось к общей психологии, то я изучала психологические условия, которые отвечают за распознавание экспрессии.

Я перечислила огромное количество людей, повлиявших на меня в самом начале пути, а могла бы назвать и больше. Ну, и, конечно, когда я уже была связана с кафедрой социальной психологии МГУ, то нельзя ни с кем сравнить Галину Михайловну. Все разговоры с ней, ее вопросы, ее оценки вскользь, или похвала, которая была очень редкой и скромной, очень вдохновляли! Я ей должна быть очень благодарна еще по той простой причине, что пока я десять лет ездила в Москву, развивала свои идеи, то в какой-то момент она мне очень просто сказала, что больше ездить на кафедру не надо, если я не привезу в следующий раз на обсуждение докторскую диссертацию. Я отнеслась к этим словам серьезно, и в конце 1989 года защитила работу. Слова Галины Михайловны сыграли решающую роль в моей самореганизации.

В МГУ я познакомилась и с В.Ф. Петренко, и с А.Г. Шмелевым. Меня увлекала психосемантика, и я нашла ей приложение в своей докторской. На защите многие коллеги, и члены совета, и не только, были мне хорошо знакомы, и они были в курсе моей работы. Совет и кафедра были уже не чужими.

В тот ученый совет входила Людмила Ивановна Анцыферова, так состоялось мое заочное знакомство с Институтом психологии РАН, а очно я познакомилась с ним через Гарника Владимировича Аكوпова в 1997 году на одной из конференций, проходивших в Самарском педагогическом университете, куда приехал Андрей Владимирович Брушлинский. Там были и Анатолий Лактионович Журавлев, и Виктор Владимирович Знаков, был Резников Евгений Николаевич и другие коллеги. Так получилось, что мы с Андреем Владимировичем и Виктором Владимировичем оказались вместе на одной из экскурсий. Мне было немножко неловко, я все-таки чувствовала некоторое стеснение. Но потом Виктор Владимирович спросил меня, а что я могу сказать по выражению его лица. И разговор состоялся, и барьеры ушли. А Андрей Владимирович в один из дней конференции предложил мне прочесть лекцию на эту же тему. Мероприятие проходило на теплоходе, и вот там в кают-компании я и рассказала о том, чем занималась всю жизнь. После этого последовало приглашение подготовить статьи по моей тематике, которые были опубликованы в «Психологическом журнале». Так началось мое движение в сторону ИП РАНа, но с ПИ РАО связи не были потеряны, и не только из-за Алексея Александровича, но и благодаря Наталье Львовне Карповой, специалиста по логопсихотерапии, в чьих группах я занималась и очень много о себе узнала.

Из того, что я рассказала, мне сейчас трудно выделить кого-то, кто оказал влияние на мое научное становление, так как этих людей, как вы видите, очень много. Но я могла бы назвать людей или события, которые меня восхитили. Это, конечно, несколько конференций, которые проходили в Кубанском университете и были посвящены проблеме субъекта в психологии и бытию человека в мире. Меня восхищает умение организаторов привлекать к этому все новых и новых людей, и за последние десять лет, сформировалось очень сильное психологическое направление. Нельзя переоценить вклад Виктора Владимировича Знакова в развитие этого направления и собиране ученых и

практиков, заинтересованных в развитии психологии субъекта. Но есть еще одно, что может меня привести в восторг, это одна из сторон моей профессиональной деятельности, связанная с экспертизой научных проектов. И вот, когда попадаются новые оригинальные темы, например, вспоминаю такой момент с проектом Андрея Владиславовича Юревича и его команды, посвященный макропсихологии, где поднимались проблемы оптимизма, счастья, и вот это тоже становится событием, которое влияет, когда видишь новые пути развития социальной психологии.

К событиям такого рода относятся и симпозиумы, их было уже три, которые проводил Владимир Александрович Барабанщиков. Они носят камерный характер, в том смысле, что туда приходят люди, которые очень широко, глубоко и многогранно разбираются в проблемах, именно, этого направления. С ними интересно спорить, ими хочется восхищаться, чувствовать движение научной мысли. Я очень рада, что они привлекают меня к своему делу, дают возможность для развития.

Конечно, можно сказать, что я как тот пострел, который везде поспел, но это все мои счастливые случаи.

3. В продолжение наших вопросов, могли бы Вы кратко охарактеризовать различие научной атмосферы периода Вашего становления и сегодняшнего времени? И, может быть, назвать какие-то человеческие уроки, которые Вы вынесли?

Мы с моими коллегами, и это часто звучит в наших разговорах, застали «золотой век» исследований, развития научных школ и направлений. Наличие тогда такого количества выдающихся ученых, многих из которых выпало видеть и слышать, а может быть и разговаривать, и взаимодействовать, вот, что для меня отличает то время. Однажды на юбилее Галины Михайловны, куда были приглашены ее соратники и коллеги, я смотрела на них и уже тогда не понимала и не видела, кто бы смог их заменить. Я и сейчас не чувствую этого масштаба, как тогда, когда каждый доклад – это было не просто означивание нового

направления, это были по-настоящему новые идеи. Одним из последних научных событий такого уровня, я могу назвать небольшой симпозиум в МГУ, посвященный юбилею Александра Григорьевича Асмолова. Там выступали люди, представлявшие наши сегодняшние методологические основы. На пленарных докладах в ИП РАНе я всегда чувствовала научное движение. Может быть, сейчас, наш научный «бюмонд» стал и шире, и разностороннее, но при этом нет такой активной пропаганды или трансляции имен. Может быть, наши конференции «свернулись» по масштабу в силу разных причин и обстоятельств. Но я полагаю, что это еще связано с тем, что кроме Москвы и Ленинграда, в какой-то мере Киева, Ярославля, где на тот момент были психологические отделения, сейчас наши факультеты открылись во многих городах России. И стали формироваться научные кадры, специалисты. Нас стало много, и центрация стала происходить на **б**ольшем количестве имен.

Про жизненные уроки – можно привести вот такой случай. Я уже упоминала Александра Григорьевича Асмолова, с которым мы познакомились здесь в Ростове, это было во время его приезда к нам. Мы общались, обсуждали свои подходы, своих учителей, Леонтьева и Бодалева, и возникло некоторое трение. Оно было естественным, потому что отражало историческую картину отношений между школами того времени, а эта встреча случилась в конце 1970-х годов. Но мы приняли друг друга, потому что возникло понимание, что у каждого есть Учитель, которого надо уважать, ценить и которого не надо предавать, чтобы не происходило вокруг. Мне кажется, что это и есть один из важнейших уроков. Вспоминаю Андрея Владимировича, и мне кажется, что он тогда тоже придерживался этой позиции, а сейчас я наблюдаю за Виктором Владимировичем и вижу то же самое.

Вот мы сделали недавно книгу «Психология общения: школа академика А.А. Бодалева», и это не просто книга его памяти, там есть большой раздел, посвященный развитию его научного направления, где есть моя статья, в которой я попыталась осмыслить его подход с современной точки зрения. Мне кажется,

что, с одной стороны, эта книга – воспоминания и проявления восхищения и преданности, но, с другой стороны, важно то, что все авторы в своих статьях старались развивать и пропагандировать идеи нашего Учителя.

4. Если перейти к сегодняшнему времени, Ваша деятельность уже долгие годы и прочно связана с кафедрой социальной психологии Южного федерального университета. Скажите, пожалуйста несколько слов об истории кафедры и Вашем участии в ее становлении?

Наша кафедра открылась в начале 1991 года. И ее первое название, и сейчас оно повторяется, было кафедра социальной психологии и психологии личности. Есть два обстоятельства, почему она была так названа. Тогда, в начале 1990-х годов это, прежде всего, совпало с названием ваковской специальности. Но были и другие причины. Кафедра создавалась усилием людей, которые имели отношение к разной проблематике. На тот момент я была доктором, защитившимся по социальной психологии, как и другие коллеги такие, как Анна Ивановна Ташева, которая тоже защитилась в МГУ под руководством Галины Михайловны по этой же специальности. Но многие сотрудники относились к другим направлениям, например, педагогической психологии и прочим. Надо было собирать по крупицам, интегрировать это, и акцент в первое время был сделан, скорее, на психологии личности, которая является дискуссионным, как в социальной психологии, так и в других отраслях психологии, но в чем-то объединяющим направлением. Так мы просуществовали до 1999-го года, почти 8 лет. К 99-м году появились свои защищенные специалисты, и стало очевидным, что вырисовываются новые научные группы. Тогда я и обратилась с просьбой разделить нас и сделать отдельную кафедру социальной психологии. Нам уже было на кого опираться, наши специалисты работали и защищали оригинальные работы по темам, которые еще нигде не разрабатывались, например, посвященные динамике отношений в процессе танцевально-экспрессивного тренинга, затрудненному общению и его изменению в тренинговой работе, общению у людей с гомосексуальной направленностью, что в то время, конечно,

звучало совершенно необычно. Это к вопросу, что может региональная наука, что она может, находясь на периферии...

Итак, все это стало аргументом, для чего нам нужна кафедра, и как мы собираемся ее развивать. С тех пор и до 2015 года существовала кафедра социальной психологии. В таком виде я заведовала ею больше пятнадцати лет. За это время мы разрослись, появилось много учеников, новые темы, оригинальные работы. Так, например, Дарья Викторовна Погонцева, разрабатывала такую необычную тему, как представления о красивой женщине. Была написана уникальная работа по проблеме, о которой все говорят, а что за этим стоит, как она живет эта красивая женщина, каково ее место в нашем обществе, какая у нее система отношений? И еще одна очень интересная тема, разработанная на кафедре, – представления о враге и друге на разных этапах жизненного пути. Важно было понять, как это связано с внешним обликом, как можно через этот облик создать образ «врага», как его можно менять, как на это влияет реклама, как удовлетворенность жизнью, жизненные обстоятельства человека могут трансформировать сам образ и сам механизм, превращающий человека во врага. Все эти темы связаны. Здесь в Ростове, многонациональном регионе, стало понятно, что и красота, и другие аспекты внешнего вида связаны с этнической стороной проблемы, а не только с половым или возрастным факторами, – и сложилась тема этнолукизма.

Вот так и происходило становление кафедры – темы возникали и вытекали одна из другой. В научном плане это происходило так, но иногда это было связано с самими людьми. Пришла на кафедру психотерапевт, психоаналитик Архангельская Людмила Сергеевна. Она поставила проблему зависти и в 2004 году написала диссертацию, затронувшую связь зависти с общением, с партнером, которому завидуют, динамикой этого чувства. Работая над этой темой, мы обратили внимание на фрустрацию надежды, которая могла быть источником негативных процессов. Появилось понимание, что все это может быть связано с психологией субъекта, этапами жизненного пути и его

отношением к жизни. Одна из наших аспиранток Мансурова Инна Сергеевна занималась этой проблемой и написала диссертацию на эту тему. То есть, на кафедре разрабатываются самые разные, но очень связанные вопросы. Мы стараемся обмениваться, каждый год проводим симпозиумы, круглые столы, публикуем наши результаты.

Повторюсь, что становление кафедры произошло под сильным влиянием московской и Санкт-Петербургских (Ленинградских) школ. Без этого ничего бы не было. Смею надеяться, что и вера в людей, и интуитивное желание следовать новой идее, желание пробовать, даже когда ничто не предвещает успеха, делают свое дело, которому уже почти четверть века.

5. Вы вкратце упомянули о преимуществе региональной школы, но Вы больше говорили, что может региональная кафедра в научном плане по сравнению со столичной, а могли бы Вы рассказать, что может региональная социальная психология именно с позиции самого региона, его географии, экономического состояния, этнических особенностей, традиций? Очень интересен в этом смысле пример именно Ростова-на-Дону, который близок и Северному Кавказу, и Украине, где сейчас разворачиваются серьезнейшие политические события?

Я нашу региональную представленность вижу в нескольких ракурсах. Первое, это естественно то, что здесь у нас в Ростовском, а теперь Южном федеральном университете, есть кафедра и диссертационный совет, что делает нас научным центром Южного федерального округа. Мы здесь постоянно видим новых людей, которые приносят свои труды, и не только те, которые выполняются у нас, а вообще. Это работы, посвященные, в том числе, этническим проблемам нашего и близких к нам регионов. Мы эту проблематику очень хорошо знаем и понимаем. Но не могу сказать, что мне на все эти исследования хотелось бы откликнуться, несмотря на то, что у нас такой поликультурный регион. Признаюсь, порой у меня даже вызывает раздражение педантирование этой темы, когда валом начинают идти работы по этим

проблемам. Этнопсихология – отрасль междисциплинарная, требующая и философского, и культурологического, и социологического, и антропологического осмысления. И когда на поток ставятся работы, подчеркивающие какие-то различия на небольших группах людей, меня это не очень устраивает.

Мы стараемся идти глубже. Например, в одной из наших последних научных работ, поддержанной грантом РГНФ и посвященной этнолукизму, неслучайно в качестве выборки выступили три даже не этнические, а этнокультурные группы – славянская, кавказская и азиатская. Выбор последней связан с тем, что здесь в Ростовской области живет очень много корейцев, и это сложилось очень давно. Они занимаются самыми разными видами деятельности, фермерской, например. Много у нас учится и студентов этой национальности. Выбор кавказской группы понятен – это близость региона, студентов из Чечни и Карачаево-Черкесии у нас тоже очень много. Исторически сложилось так, что в Ростове и рядом с ним проживает армянская диаспора, еще с самых давних времен. Известно, что с Ростовом граничил город Нахичевань, который теперь стал одним из районов города. Очевидно, что много здесь и белорусов, и украинцев. И мы, живя здесь, очень хорошо понимаем, как актуализируются дискриминационные практики, как на ровном месте возникают конфликты, только лишь потому, что люди антропологически, чисто внешне отличаются друг от друга. Поэтому тема этнолукизма имеет к нашему региону непосредственное отношение.

Как еще региональная представленность рассматривается нами? Есть и другие ракурсы. У нас разрабатывалась тема восприятия собственной внешности девушками из различных этнических групп. В исследовании участвовало десять групп – чеченки, ингушки, армянки, азербайджанки, украинки, русские и др., почти все, кто представляет национальный состав нашего региона. Мы выявили такой факт, что девушки именно с Северного Кавказа отказывались принимать участие в исследовании, потому что оценивать свой внешний облик – это

нескромно, его должны оценивать другие, хотя все они были красавицами. Они стали участвовать в исследовании только с уговорами и оценивали себя так скромно, что даже возникло ощущение, что девушки остальных этнических групп лишены этого качества, нескромные. На самом деле эффект здесь совершенно другой. Просто первые очень сильно занижали свою самооценку, работали на культурный стереотип, как должна вести себя девушка. Очевидно, что традиции, нравы, обычаи никуда не ушли, они продолжают регулировать поведение.

Хотя я думаю, что для нашего региона характерны не только этнические проблемы. У нас есть и экономические задачи, проводятся конференции по экономической психологии. То есть, мы откликаемся на злобу дня по разным направлениям. Вот уже на протяжении 15 лет мы собираемся в Ростове на, так называемые, гендерные чтения. В этом году это проходило очень масштабно, была видеосвязь с Москвой, Санкт-Петербургом, приезжали коллеги из Монголии. Тематику развернули и рассмотрели очень широко. Вот вопрос, является ли эта тема Южного федерального округа? Да, так можно сказать, потому что здесь, в связи с жителями, принадлежащими к различным этническим и религиозным группам, очень специфические гендерные отношения, гендерная история, как таковая.

Как-то давно на одной из моих лекций в Грозном возник разговор про гендерные отношения. Завязался спор про пространственное и невербальное поведение. Я обратила внимание, что в их традициях не принято пропускать женщину вперед, уступать место. А они мне объяснили это совершенно с другой, своей точки зрения – вот, мы горный народ, впереди часто бывает опасность, и мужчина всегда шел впереди и так охранял женщину.

Получается, что любая рассматриваемая нами проблема, как правило, выводит нас на специфику региона, нашего Южного федерального округа.

6. Если мы заговорили о кафедре, скажите, пожалуйста, как Вы на фоне современной дискуссии о качестве образования охарактеризовали бы состояние именно этого вопроса у Вас в Университете?

Я очень люблю Университет, меня влечет не только наука, меня влечет и преподавание. В Университете есть определенная свобода, которая проявляется в том, что каждый должен читать такой курс, который ему близок, интересен, которому он посвящает свое время и труды, то есть это не лекции по учебникам, и это создавало всегда некоторую образовательную уникальность. Вот я читаю курс психологии экспрессивного поведения, и я знаю, что больше нигде в таком объеме это не происходит. И так можно сказать по поводу любого курса или спецкурса. Но последние лет 10 система обучения студентов стала подвергаться формализации. Например, необходимо сопроводить курс презентацией с 200-ми слайдами. Почему именно 200-ми, почему не 500-ми? Если курс 32 часа, у Вас должно быть не менее 180-ти тестовых заданий, а если мне достаточно 100, чтобы отразить материал? Ну, к этому мы адаптировались, хотя презентации, рамки сковали наше мышление, потому что мы привыкли к спонтанности, к тому, что на лекциях, особенно спецкурсах, могут возникать вопросы, замыслы, идеи, споры. Я видела, особенно раньше, и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и за рубежом, что это может быть и не так формализовано, и я видела в этом достижение университетского образования. Но это не самое ужасное, хотя пришлось поработать и подготовить много методичек. Но последние изменения, связанные с компетентностным подходом, мне непонятны. Полбеда, что мне надо определить, какие компетенции я буду развивать у студентов на моих курсах и спецкурсах. Но руководитель образовательной программы, для того чтобы все компетенции были представлены, дает нам рекомендации, какими они должны быть. Это уже воспринимается как давление учебной администрации и вызывает сильные переживания. Вот сейчас мы опять работали над новыми стандартами, которые не так уж сильно изменились. Эти изменения – переставленные колонки в таблицах, измененное количество часов, означающие,

что мы все делаем заново, по-новому komponуем лекции. Я не вижу в этих шагах большой заботы об образовании, я бы ее видела в оснащении лабораторий и аудиторий необходимой техникой, чтобы мы могли выйти в интернет, показать студентам книги, а не приносить их с собой, показать лица, иностранные источники. Вот, что такое современное образование. А последнее, что было с нами проделано, это то, что мы должны были включить в свои программы только те источники, которые есть в наших библиотеках, и которые вышли за последние 5 лет. По моему курсу, например, ничего не было, а учебник Галины Михайловны по социальной психологии, 2010 года издания, не подходил и попал в дополнительную литературу. То есть, работник библиотеки теперь формирует то, что должны читать мои студенты. В итоге, конечно, все происходит не так. Я собираю студентам статьи по темам и организую их чтение. Но ведь это рабочая программа, и она будет находиться на сайте Университета, ее увидят специалисты, и что они подумают про меня?

Мне кажется, что формализация «баллами», «тестами», «рабочими картами» работает на какие-то показатели, но не на главное. И это совпадает с тем, что среди студентов мы замечаем довольно много, если не большинство, ответственных, посещающих, тревожащихся за результат, но меньше увлеченных ребят. Полета и желания нет, только у единиц...

7. Давайте вернемся от разговора о кафедре и образования снова к научным исследованиям. Наших читателей, конечно, интересует Ваш взгляд на собственные исследования из сегодняшнего дня. Как изменились со временем такие объекты Ваших исследований, как невербальное поведение, экспрессия человека, появились ли новые формы экспрессии, изменились ли старые? Как повлияли информационные технологии на то, что Вы изучаете?

В моей научной деятельности есть три важные для меня линии, которые где-то в каких-то работах объединяются. В первую очередь, это – психология экспрессивного поведения сугубо в рамках социально-перцептивного подхода,

главным образом, экспрессия, лицевая экспрессия. На развитие этого направления, конечно, повлияли новые технологии, которые связаны с тем, как кодировать, запечатлевать, удерживать эту экспрессию, потому что это очень динамичный объект изучения. Любой стоп кадр, любая фотография все равно не будут соответствовать той реальной связи между внешним и внутренним, между переживаемым и выражаемым. Мы в своей работе очень ответственно относимся к тому, можем ли мы использовать в исследовании то, что записали – фото или видео, и выбрали какие-то стоп-кадры. Конечно, техника помогает, но методические трудности в этой области остаются.

Сейчас, и это вторая линия, я в большей степени перешла к исследованию представлений о невербальных паттернах поведения. Мы говорили об этническом аспекте, о влиянии ролевого статуса. Здесь уже учитывается не только экспрессия лица, здесь включается тематика, связанная с невербальными интеракциями, которая мне всегда была интересна. Исследование получается более объемным. Плюс социально-психологический аспект, социально-психологические переменные.

Если продолжать говорить с сегодняшних позиций, то вот я недавно закончила работу, связанную с визуальными технологиями в исследовании этнолукизма, и у меня был опыт изучения фототерапии. Если Вы помните, то социальная перцепция начиналась с исследований, когда предъявляли фотографии. И даже современные работы, технически по-другому сделанные, используют те же фотографии. Я понимаю, что нужны новые визуальные приемы, но тут же себя останавливаю, а какие другие? Да, теперь это можно сделать на мониторе, можно сделать более точно, можно видоизменить изображение. Технически это будет по-новому, но получим ли мы что-то новое в самом результате? Я не вижу, чтобы появлялись суперсущественные добавки к этой тематике, хотя конечно, она развивается, например, в психологии лжи, в психологии искренности. Экспрессия человека, экспрессивное поведение начинают рассматриваться как показатели семейно-брачных отношений, как

показатели статусных отношений. Но эти исследования требуют не техники, а проникновения в жизнь людей. Вот случай. Студенты выполняли работу по изучению невербальных паттернов влюбленных. Они были разделены на подгруппы по пять человек и должны были согласованно по методике отобрать невербальные характеристики, связанные с этим состоянием. После этого им было дано задание дома или еще где-нибудь показать кому-то эти характеристики, этот паттерн, и спросить, о каких отношениях идет речь. Мы с ними обнаружили очень много интересного – и «мужское» отношение, и проявление сексизма, и романтическое отношение. Мы подняли в связи с этим очень много тем, например, как такие отношения проявлялись в истории общества, например, пятьдесят лет назад.

Таким образом, проблематика экспрессивного поведения для меня вошла в более широкий контекст – психологию внешнего облика. Сейчас главная задача - обозначить это направление, изучить, как внешний облик влияет на разные стороны и сферы жизни человека. За рубежом, особенно в Великобритании, США, очень много исследований на эту тему, но я уверена, что мы должны создавать свою научную школу психологии внешнего облика, учитывая то, что мы очень по-разному относимся к различным феноменам, например, красоте, по-разному связываем внешнее и внутреннее.

Эффект значимости внешнего облика по-разному проявляется в той или иной культуре, следовательно, мы должны понимать контекст и механизмы проявления этих эффектов. Эта тематика разрабатывается мною тоже очень давно. Одна из первых публикаций датирована 2000-м годом, она была посвящена гендерной интерпретации внешнего облика на примере причесок. Уже там были рассмотрены дискриминационные практики, такие, как сексизм, например. Продолжением этой работы была тема отношения к внешнему облику в середине жизни, там появился контекст удовлетворенности жизнью. Потом как продолжение было исследование социально-психологических факторов стремления к изменению, коррекции своего внешнего облика. Сейчас

завершается работа, посвященная удовлетворенности и обеспокоенности своим внешним обликом. Возвращаясь к ИП РАНу, можно сделать важную ремарку. Для одного из сборников научных трудов, который издавался под редакцией Елены Алексеевны Сергиенко и других коллег, посвященный субъектному подходу, я написала статью об обеспокоенности своей внешностью. Мне вообще кажется, что субъектный подход может много дать для становления нашей отечественной психологии внешнего облика, потому что это именно тот взгляд, на который не обращают внимание на Западе, работая с традиционными факторами пола и возраста при изучении проблем психологии внешности.

У нас в последнее время появилось новое рабочее понятие *Значимый оценщик внешнего облика*, а не просто *Значимый Другой*. Такой Оценщик требует от человека особого субъектного ресурса для его поиска, выделения и наделения его определенной функцией внутреннего Я. Этот ресурс – и рефлексия, и переживания, и отношения. Главный, на мой взгляд, результат, полученный нами – это роль такого Значимого оценщика в оценке себя человеком. Этот Значимый оценщик обладает таким уровнем субъектности, что его хватает и для высокой самооценки, и для высокой оценки Другого. Он способен увидеть во внешнем облике Другого нечто позитивное, не хуже, чем у него самого. Он поэтому и становится значимым человеком, мнение которого важно и не обижает в отдельных ситуациях, а, наоборот, на которое хочется ориентироваться, что может превратить нас в людей, заинтересованно относящихся к своей внешности, простимулировать раскрытие нашей индивидуальности, раскрытие нашей субъектности. Поэтому субъектный подход – это, на мой взгляд, один из важных путей развития этой тематики.

Третье направление – это психология затрудненного общения. Туда я отношу проблемы надежды, зависти, друзей, врагов, трудных партнеров... Здесь, конечно, звучит и этнический аспект, и, конечно, психология субъекта. Интересна в этом смысле работа со студентами. На занятиях в рамках этой темы я задаю им вопрос, какими качествами обладает человек, вызывающий у вас

раздражение, с которым возникают трения и сбои в общении? Студенты бойко называют и высокомерие, и снисходительность, и другие ожидаемые черты. Но мне важно привести их к мысли, что затруднение как результат общения принадлежит обоим партнерам. Очень часто приходится видеть, что студенты не рассуждают в эту сторону, не рефлексуют, у них нет субъектного взгляда. Иногда проскальзывает некоторая искренность, некоторый опыт в этой области. Но потом эта проблема начинает увлекать и иногда, уже не в аудитории, не при всех, кто-то из студентов может начать разговор на эту тему. Я понимаю, насколько это важный вопрос, и что постоянно появляются новые факторы затрудненного общения, связанные с изменяющимися обстоятельствами жизни человека, нашего бытия в целом.

8. Мы можем только пожелать успеха тем новым направлениям исследований, о которых Вы сейчас рассказали. А чувствуете ли Вы на данном этапе развития науки и собственной карьеры востребованность в обществе результатов Вашей работы и результатов других фундаментальных исследований?

Я думаю, что психология всегда ставила вопрос, насколько она нужна обществу. Порой у меня складывается впечатление, что мы нужны практикующим психологам. И часто бывает так, что именно они ставят перед нами какую-то новую задачу, как, например, физики-практики ставят задачу перед физиками-теоретиками. Но для того, чтобы наши наработки, и практические в том числе, проникали в более широкие массы, например, специалистов, работающих в профотборе или в области подготовки учителей, с их стороны должен бы быть более активный спрос, которого мы не наблюдаем. Создается впечатление, что сейчас психологи-практики и работники других сопряженных с нами сфер, имея возможность участия в различных тренингах и получения там каких-либо сертификатов, считают возможным работать в рамках таких полученных знаний и транслировать их дальше. После таких тренингов люди зачастую считают, что они разбираются в психологии не хуже

профессионалов. Мне кажется, что сейчас это очень негативно влияет на внедрение, на развитие наших идей, а также на дополнительное образование тех же практикующих психологов. Много появилось центров с претензией «на откровение», но эти «откровения» может быть и решают какие-то конкретные вопросы, но только на какой-то промежуток времени. Я не вижу стремления к образованию, расширению взгляда на человека, поиска новых интерпретаций и объяснений психологическим фактам и феноменам. Соответственно, я пока не вижу широкой заинтересованности со стороны общества в целом, хотя видно, что оно заинтересовано в психологах, но пока не в образованных психологах. Поэтому, попытки нашего Российского психологического общества создать некоторый Кодекс, фильтр в нашей науке по отношению к тем людям, которые думают, что они психологи, важны. Но за годы моей работы в нашей профессиональной отрасли я не увидела такой глубокой заинтересованности со стороны других общественных институтов в формировании класса психологов. Вот интересно, если кто-то захочет поступить в магистратуру на какое-либо математическое или, например, химическое направление, его не возьмут без специального базового образования. Но в магистратуру по психологии берут всех! Поэтому мы должны создавать какие-то ограничения, сами формировать эту профессию. Препятствовать деятельности тех людей, которые могут наносить ущерб психологии.

9. Трудно не согласиться. Если идти от теории к практике, от практики к реальной жизни, расскажите немного о себе за пределами науки и образования. Есть ли у Вас хобби, как Вы отдыхаете, в чем Ваш ресурс, как Вы восстанавливаете остроту взгляда на свои исследования, на учеников?

Сегодня я восстанавливаю свой ресурс, беседуя с Вами. Хотя, конечно, отдых – сегодня это уязвимое место моей жизни. Но тем не менее у меня есть ресурс, который меня спасал и спасает до сих пор. С подросткового возраста я люблю оперу, люблю оперные спектакли и концерты. Вот буквально в это

воскресенье я слушала скрипичный концерт Брамса, который меня потряс до глубины души. Пару недель назад в нашем театре была постановка «Пиковой дамы». Я много слушаю музыку дома, у меня неплохая коллекция записей. Так получилось, что все мои ближайшие родственники имеют музыкальное образование. Дома всегда звучала музыка, много было разговоров о ней, когда они учились, сдавали экзамены. Когда я была маленькая, меня брали на концерты и на репетиции. И так незаметно это «спасение» пришло в мою жизнь.

Есть и другое увлечение. Лет 20 назад или даже больше мне захотелось завести собаку, и с тех пор я обожаю этих животных, не жалею для них ласковых слов. Это меня очень поддерживает.

Конечно, я читаю художественную литературу, не так много, как раньше, но все-таки.

Я с юности увлекалась художественными выставками, много их посещала, это даже в чем-то сыграло свою роль при моем поступлении в аспирантуру в Ленинград, потому что там был Эрмитаж, и для меня это было очень важно. Конечно, я не искусствовед, но знакомство и общение с людьми, причастными к искусствоведческой деятельности, к организации выставок, способными к рефлексии по поводу современного искусства, создает еще одно пространство моей жизни, и это для меня еще один огромный ресурс, другая деятельность, которая также захватывает. Я много общаюсь и говорю на эти темы с коллегами, что способствует, говоря профессионально, возникновению ценностно-смыслового единства. Моя дочь и внуки тоже приобщены к моим «увлечениям». Этот семейный круг – важнейший ресурс моей жизни.

Но вообще, конечно, я трудоголик. Все равно моя жизнь здесь в Университете. Если я увлечена чем-то, я не чувствую ни времени, ни голода.

10. Можно пожелать, чтобы таких моментов все-таки было меньше, а больше - ситуаций радостного труда и полноценного отдыха. В заключение мы всегда просим пожелать что-нибудь организаторам, авторам, особенно молодым специалистам, и читателям нашего журнала.

Я бы пожелала любить психологию, как бы это ни банально звучало. Я имею сейчас в виду человека, которого мы, как психологи, изучаем. Если наш профессионал увлечен людьми, то любая его деятельность, с чем бы она ни была связана, с написанием ли текстов, с их чтением, она превращается в работу о человеческом, и любая корреляция превращается в знание о человеке. Мне думается, что в нашей профессии очень важно передавать любовь к самой психологии, к человеку в психологии, свою заинтересованность, свою энергетику, и делать это искренне, тогда вокруг складывается круг таких же людей.

Спасибо Вам за интересные вопросы, которые мне помогли в чем-то осмыслить события моей профессиональной жизни. Мне очень приятно, что Ваш журнал заинтересовался моей деятельностью, и состоялось такое интересное для меня интервью.

Спасибо Вам за время, которое Вы нам уделили, и вдвойне за интереснейший рассказ!

**UNIQUE EXPERIENCE OF DEVELOPMENT OF THE REGIONAL SOCIO-
PSYCHOLOGICAL SCHOOL
(INTERVIEW WITH V.A. LABUNSKAYA DUE TO HER ANNIVERSARY)**

The interview with Vera Aleksandrovna Labunskaya, the Doctor of psychology, professor of the desk of social psychology and psychology of personality of Academy of psychology and pedagogics of SFU devoted to the main stages of her scientific biography connected with the psychology of communication and expressional behavior. Her unique scientific experience got in cooperation with two scientific centers in Leningrad, now St. Petersburg, and Moscow, and then realized in scientific and pedagogical activity in Rostov-on-Don. The questions of the interview were

prepared by the director IP RAS Anatoly Laktionovich Jouravlev**** with the senior research fellow of laboratory of social and economic psychology of IP RAS Yulia Valerievna Kovaleva*****. The questions were asked by Y.V. Kovaleva, questions and V.A. Labunskaya's answers are below.*****

**** Jouravlev Anatoly Laktionovich, full member of the Russian Academy of Science, Sc.D. (psychology), professor, Director of the Federal-State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology Russian Academy of Science, 13/1 Yaroslavskaya str., Moscow,129366; e-mail: adm3@psychol.ras.ru.

***** Kovaleva Yulia Valerievna, Ph.D, senior research officer of the laboratory of social and economic psychology, the same place; e-mail: julkov@inbox.ru.

***** The video of the interview is presented in Internet at <https://youtu.be/SHSNz2zwz1U> (part 1) and https://youtu.be/TkgKnGYWC_o (part 2). Technical execution was implemented by Svetlana Vitalievna Tikhomirova, PhD, reaserch officer of the laboratory of social and economic psychology, the same place; e-mail: sti@belty.ru.